

АЛЕКСИС ПАРНИС

КРЕМЛЁВСКИЙ МОГИЛЬЩИК

РАССКАЗ

Звали его Прохор Иванович, и трудился он в одной из кремлёвских служб, отвечая за зелёные насаждения вдоль Кремлёвской стены и за поддержание порядка на маленьком кладбище слева от Мавзолея, где покоились великие советские деятели. Работал он здесь уже пятнадцать лет, и время от времени ему приходилось копать могилы для новых номенклатурных покойников. Жил он на Серпуховке в двухэтажном бараке, поделённом на маленькие комнатухи с общей кухней и ванной на каждом этаже, в котором ютилось больше десятка семей рабочих. Детей у него не было. Была только жена Зинаида Егоровна — женщина необъятных размеров, так что теснота их жилища волновала его лишь с философской точки зрения. “Ты только подумай, — сказал он как-то Зинаиде, — те советские лидеры, которых я хоронил, наверное, страшно мучаются в могилах после своих просторных квартир и государственных дач. У нас же не будет подобных проблем, ведь мы всю жизнь прожили в клетушках”. Понятно, что политически подкованная Зинаида, которая работала уборщицей в милицейском участке и в вечерней партийной школе, грубо одёрнула его: “Я не потерплю насмешек над покойными ветеранами партии и правительства. Не хватало ещё, чтобы какой-то жалкий неудачник высмеивал представителей нашей власти”. Эта гадюка опять бросила камень в его огород, и, говоря по правде, вполне справедливо. Всё, чего он добился в жизни, — это мизерная зарплата, комнатуха 3 на 4 метра,

---

ПАРНИС Алексис — живой греческий классик (драматург, поэт и прозаик). Давно живёт в Афинах, а в шестидесятые годы он долго жил в СССР. Мало кто из современных поэтов и драматургов в Европе может похвастаться более блестящим началом карьеры, чем нынешний житель Афин Алексис Парнис. Однако он “слишком много знал”: был партизаном, дружил с опальным греческим генсеком Захариадисом, за что потом поплатился и был вынужден уехать из СССР.

чтобы было где приткнуться, да неизменные 100 грамм водки в ближайшей закускойной...

И вдруг в один прекрасный вечер жестокая судьба смилостивилась над ним, позволив ему глотнуть нектара, предназначенного для избранных. Он сидел дома один (Зина ещё не вернулась с работы) и с мрачным видом слушал радио. Диктор рассказывал о том, как проходил открывшийся на днях съезд партии. Однако Прохор плохо соображал, так как дело было накануне полочки, и у него не осталось ни гроша на вождельные 100 грамм. Вдруг его бросило в дрожь, и земля поплыла у него под ногами: он услышал, как диктор сообщил суровым и торжественным голосом: “Съезд единогласно принял решение вынести останки Иосифа Виссарионовича Сталина из Мавзолея и захоронить их у Кремлёвской стены”. Не успел он опомниться от этого удара, как в дверь постучали: “Прохор Иванович, вас к телефону”, — крикнул ему сосед. Общий телефонный аппарат, висевший в тускло освещённом коридоре, был метрах в пяти от его двери, но ему казалось, что он проделал целое путешествие: так сильно сковали его изумление и страх. Он взял трубку. То, что он услышал, сразило его окончательно. “Говорит капитан Яров, — услышал он грозный голос КГБэшника, отвечающего за Кремлёвские захоронения. — Через полтора часа ты должен явиться в мой кабинет. В своей рабочей одежде. Сегодня ночью твои кирка и лопата станут историческими инструментами!” По тому, как торжественно и высокопарно он выражался, Прохор понял, что его собеседник слегка пьян.

Когда он прибыл на место, ему тоже дали грамм двести водки, чтобы он не замёрз. Они погрузили на грузовичок “инструменты истории” (он, Яров и два солдата) и двинулись в сторону Красной площади. Остановились слева от Мавзолея, и Яров показал Прохору, где должна быть яма:

— Вот здесь начинай копать. Один на два будет достаточно.

— Но ведь это норма для рядовых, — механически заметил потрясённый Прохор.

— Он теперь тоже рядовой, — ответил Яров, своим резким тоном давая ему понять, что хватит лишних слов.

Затем, взяв двух солдат, капитан отправился в Мавзолей. Прохор бросил взгляд на погружённую в темноту Красную площадь. Милиция и военные перекрыли все подходы к ней. Тускло светились кремлёвские рубиновые звёзды, изумлённо глядя своими красными от бессонницы глазами на необычную сцену: на фасаде Мавзолея Ленина и Сталина взгромоздившиеся на лестницу рабочие плитками закладывали второе имя и снова крупно выписывали первое...

Прохор чувствовал себя очень одиноко между мрачной площадью с одной стороны и полутёмной зубчатой стеной — с другой: казалось, он находился в пасти огромного чудовища — а чем иным является история?

Работа продвигалась быстро: земля была хвот и холодная, но очень мягкая (её подвергали специальной обработке), и вскоре он уже по грудь стоял в яме, в которую с минуты на минуты должны были бросить низвергнутое божество. И впрямь: он сам, его лопата и кирка превратились в средства уничтожения, которыми часто пользуется мать-история, превращаясь в мачеху, дабы наказать своих вчерашних любимчиков.

В голове у него загудело, дыхание перехватило: Прохор, наконец, начал осознавать, на какую высоту подняло его падение титана. Он стал не только очевидцем, но и участником события всемирно-исторического значения. Противоречивая судьба взяла его простую глиняную душу, забросила её в небесную доменную печь, где из звёзд делается сталь. Когда простой смертный достигает вдруг таких божественных высот, то вполне может и рехнуться, как это случилось со скромным начальником маленькой станции Астапово, представившим убежище великому Толстому, или с пилотом, сбрасывавшим атомную бомбу на Хиросиму. Как бы и Прохору не последовать их примеру...

Он сидел на дне могилы, глубоко вдыхая вольный воздух вечности, который уравнивает богатого и бедного, господина и раба, Сталина и его могильщика, и думал о том, каким бы прекрасным и справедливым мог бы быть мир там, на земле, если бы им правили подземные законы. Никаких

тебе войн, ни тяжёлой работы, ни тиранов, ни борьбы, ни высокомерия. Интересно, что бы ответила на это Зинаида? И как бы она отреагировала на то, что её муж, “жалкий неудачник”, превратился сегодня вечером в историческое лицо?..

Он услышал шум наверху, затем увидел солдата у края ямы. “Тебя там зовут”, — сказал он Прохору, и тот, направляясь вместе с солдатом к Мавзолею, почувствовал, как груз лежащей на нём ответственности оттягивает ему плечи. Прежде чем их заглохнул величественный склеп, Прохор успел заметить, что работа на фасаде уже закончена. Теперь здесь красовалось только имя Ленина. Через одну-две минуты и его прах здесь тоже останется в одиночестве, как единственный экспонат и предмет поклонения многочисленных посетителей. Второй же покойник был уже на пути к окончательному разрушению, от которого до сих пор его удерживал герметически закрытый гроб, сложная система терморегуляции и химическая обработка... Тяжёлая стеклянная крышка была уже снята, два молчаливых человека в длинных тёмных фартуках и в перчатках отсоединили провода у основания массивного прозрачного гроба, повинувшись чётким командам военного в очках в золотой оправе, которые тот отдавал им вполголоса. Военный был удивительно похож на покойного Берию. Он стоял в углу рядом с другими неизвестными Прохору политиками и генералами, которые молча наблюдали за происходящим. Всё было кончено, но развенчанный вседержитель в сияющем маршальском мундире лежал с надменным каменным лицом, гладким и румяным из-за специальной пропитки, с презрительным и недоверчивым выражением. Казалось, он не мог поверить, что те, кто ещё вчера его воспевал, стоя перед ним на коленях, решатся на его святотатственное выселение...

Прохору Ивановичу, который пятнадцать лет работал в тени Кремля, в двух шагах от Хозяина, так и не удалось увидеть его вблизи. Но ожидание такой встречи всегда жило в его надеждах и мечтах.

И вот это произошло. Конечно, совсем не так, как он себе представлял, — судьба создаёт самые противоречивые вещи из материала, который ей предоставляет наша фантазия, в результате чего мы испытываем сильнейшие душевные потрясения. Он чуть не упал в обморок, когда до него дошло, что именно его судьба избрала орудием, при помощи которого труп генералиссимуса должен быть извлечён наружу и брошен в обычную могилу. “Должно быть, он очень тяжёлый, почти неподъёмный, как и слава о нём”, — подумал Прохор. Поэтому его так испугала и даже привела в панику его невероятная лёгкость: будто он поднял подушку, набитую ватой или пухом...

Когда он спускался по ступенькам Мавзолея, ему опять стало дурно. Он чуть не потерял сознание, и только страх перед Яровым придал ему силы. Упав он в обморок, его состояние расценили бы как шоковое и подумали бы, что он сокрушается о разжаловании “отца народов”. Всего можно было ожидать от этого КГБэшника, ещё вчера бывшего таким верным сталинским псом, а сегодня превратившегося в хрущёвского бульдога.

Он не помнил, как дошёл до края могилы, держа перед собой свой страшный груз. Он делал всё машинально, двигаясь, словно лунатик, переложил тело в простой гроб и опустил его с напарником в преисподнюю...

Когда он начал, наконец, закапывать вместе с двумя солдатами тёмную яму, Кремлёвские часы на Спасской башне пробили два раза: Дан! Да-а-ан! Неумолимое время — этот бессмертный горе-мастер — было верно себе: подарив миру очередного идола, оно теперь уничтожало его, словно творец, недовольный своим произведением. Разноцветные купола храма Василия Блаженного напоминали пухлые щёчки херувимов, трубящих что есть мочи в честь наступления новой исторической эпохи.

— Завтра же я сбрею свои усы, — решил Прохор, отправляясь домой...

На следующий день в газетах появилась заметка в две строчки об исполнении решения съезда, без каких-либо комментариев: “Прах товарища И. В. Сталина был вынесен вчера из Мавзолея...”

Когда пресса столь скупа на информацию даже в отношении таких исторических фактов, как изгнание из пирамиды величайшего из фараонов, со стороны голодных до информации “Homo Sovieticus” возникает преуве-

лично нездоровый интерес к свидетелям этого события, таким как Прохор. И вот день ото дня он становился всё более возделенной “информационной добычей” для излишне любопытной публики.

Первые слушатели нашлись уже в тот же вечер, когда он отправился в гостиницу “Националь”, знаменитую своим рестораном, где швейцаром служил его закадычный друг Игорь. Он всегда старался заполучить ночную смену, чтобы сорвать побольше чаевых. Игорь пристроил вместо себя какого-то парня и потащил Прохора в комнатку за кухней, где переодевался и обедал служебный персонал. И там он заставил его рассказать о своей вчерашней исторической миссии сначала шеф-повару и двум официантам, потом рюмками водки и изысканными закусками. Затем последовал визит в самый дорогой “люкс” на третьем этаже, в котором в те дни проживал ленинградский режиссёр Юрий Шершефамов — таково было прозвище их знаменитого постояльца, с бьющим через край темпераментом, душой нараспашку и всегда полным кошельком. Официанты и горничные буквально боготворили его. Должно быть, кто-то из них рассказал ему о новой “достопримечательности”, объявившейся в гостинице. Юрий тут же захотел встретиться с ним. И разве могла его оставить безразличным столь живописная личность, которая уже превращалась в его фантазиях в героя нового фильма? “Люкс” состоял из гостиной, спальни и огромной, отделанной мрамором ванной, сохранившейся ещё с дореволюционных времён, как, впрочем, и вся гостиница. Через огромные узкие окна был виден Манеж, Кремль и часть Красной площади — практически всё место действия исторического события, о котором рассказывал Прохор, восседая в роскошном старинном кресле, не спеша выпивая и закусывая. Один за другим следовали подносы с царским угощением: икрой, сёмгой, осетриной. Водка, вино, коньяк, шампанское лились рекой. Так случалось всегда, когда Шершефамова посещало вдохновение, которое он принимал как самых взыскательных и капризных своих возлюбленных. Глубокой ночью, когда рассказчик уже выдохся, в дверь тихонько постучала одна из них — гордая и неприступная красавица Людмила Калистенова, обожаемая публикой звезда экрана. Говорили, что она была близким другом (считай, любовницей) одного известного престарелого лидера нашей страны. Но она демонстративно опровергала этот слух своими многочисленными скандальными связями. Самый последний её роман был с режиссёром Шершефамовым. Он начался только месяц назад во время съёмок исторического фильма, в котором Калистенова играла любовницу царя (это было её амплуа). Конечно, её подкупила “широта” режиссёра.

Этот свалившийся с неба Прохор мог бы стать прототипом героя фильма, с его комической внешностью, трагической глубиной, общечеловеческим масштабом. Нужно было поближе с ним познакомиться, присмотреться к нему, другими словами, включить его в свою “свиту”, а может быть, даже в свиту их Двора. Воодушевлённый этой идеей Шершефамов проводил Прохора вниз и сердечно распрощался с ним у входа в гостиницу, сунув ему в карман деньги на такси, так как было уже два часа ночи и общественный транспорт не работал.

Но разве мог он поместиться в такси? Вся Россия была слишком мала для него в эту ночь — таким огромным и великим чувствовал себя Прохор, по крайней мере, сейчас... Ему захотелось пройтись пешком, и он отправился, беззаботно насвистывая, туда, куда влекло его пьяное возбуждение. На площади Свердлова на фоне огромного бюста Маркса дефилировали ночные бабочки (словно блошки в его почтенной святой бороде). Их много развелось в последнее время. Они устроили настоящий рынок возле центральных гостиниц, оживляя яркими мазками Монмартра хмурый московский гранит. Две из них слетелись на весёлый свист Прохора, приняв его за нетерпеливый сексуальный призыв, и пока они не осознали своей ошибки, счастливым пьяный могильщик уже успел рассказать им, как удачно использовал он вчера ночью свои “исторические инструменты”. Но эти политически неграмотные особы не поняли ни величия данного события, ни причастности к нему Прохора: “Нам больше интересуют твои мужские инструменты.

Если хочешь воспользоваться ими, пойдём. А нет, так пошёл ты к дьяволу, дядя!” — сказала самая бойкая из них. И кто знает, чем бы закончилась эта стычка, не появившись вдруг из-за угла “Метрополя” милицейский патруль.

Ночные бабочки тут же вспорхнули и растворились в темноте, а Прохор продолжил свой путь, хотя и без прежнего душевного подъёма. Вульгарные проститутки спустили его с бархатного неба “Националя” с обитающей там ангелоподобной Людмилой Калистеновой на нашу грешную землю. Но, когда он пришёл домой, слова Зинаиды сбросили его ещё ниже — в страшные подвалы преисподней:

— Сталина могут выкинуть из Мавзолея, но никто не может выкинуть его из моего сердца. Оно останется для него вечным мавзолеем.

После такого заявления он не осмелился рассказать ей, с какими великими людьми познакомился этой ночью. Зинаида повернулась к нему спиной и вскоре захрапела. Уже давно это было обычное её поведение в постели, и Прохор успел к этому привыкнуть. В конце концов, чего ещё можно было ожидать от злобной пятидесятилетней бабёнки, в жилах которой текла сталинская кровь и которая душой и телом превратилась в женщину-мавзолей? И всё же сегодня это очень задело. Может быть, потому что этой ночью он казался себе удачливым охотником, который принёс богатую добычу и не встретил дома подходящего радостного приёма от самого близкого ему человека. Он уснул, полный горечи, словно вечный изгнанник из рая, но сон его был сладок: ему снилось, что Господь Бог и его судьба собираются, наконец, сжалиться над ним. И в самое ближайшее время этот сон начал сбываться. Он, который считал каждую копейку, чтобы купить свои законные сто грамм водки или бутылку “Жигулёвского” в душной закуской и пределом мечтаний которого была пересушенная вобла, вкушал теперь сладкую жизнь московской элиты, повсюду следуя за великодушным Шершефамовым и божественной Людмилой Калистеновой в составе их многочисленной свиты. Он чувствовал себя на седьмом небе каждый раз, когда режиссёр знакомил его с новыми людьми: “Дорогие мои друзья, позвольте представить вам настоящего могильщика Сталина”, — говорил тот.

Как же согревали его душу направленные на него любопытные взгляды! Они будто передавали ему свой электрический заряд, раскрывая не известные ему до сих его собственные таланты. Память его обострялась, язык становился смелым и образным, особенно в окружении известнейших в обществе людей, которые уже в приличном подпитии забрасывали его самыми странными вопросами. Им хотелось, например, знать, был ли покойный закопан в своём роскошном стеклянном гробу или его переложили в более дешёвый. Оставили ли ему ордена и погоны или сорвали их, как обычно поступают с разжалованными. Действительно ли, как утверждает народная молва, сам Хрущёв наблюдал за посмертным поношением тирана и плясал на его могиле гопак... и так далее. О чём только они не спрашивали...

Конечно, все эти разговоры, различные мысли, предположения, реакция его слушателей со временем помогли Прохору обогатить свою языковую палитру более яркими и выразительными красками, каждый раз его рассказ обрстал всё новыми и новыми подробностями. В конце концов, он настолько серьёзно стал относиться к этому делу, что начал вести себя как профессиональный рассказчик, подобно древним рапсодам или старинным русским сказителям:

*Без торжественных слов и оркестров,
Без парада и красных знамён,
Без звёзд и советской символики
Состоялось его погребение.
Мои скромные инструменты
Подвели роковую черту
Под блеском былой его славы.*

Так начиналось его эпическое повествование. Он даже подумывал о том, чтобы купить со временем балалайку для музыкального сопровождения наиболее значимых мест его рассказа.

*Освежи хоть чуть-чуть, балалайка,
Души тех, кто страдает в аду... и т. д.*

— Какая же великопенная находка этот талантливый народный поэт, возродивший традиционное русское искусство наших прославленных сказителей, — распинался воодушевлённый Шершефамов перед своими друзьями.

Вскоре слава Прохора вышла за рамки их компании, распространившись на более высокие круги, и достигла, наконец, Гималаев московской номенклатуры. Этого новоявленного советского сказителя начали уже приглашать в богатые квартиры на улице Горького и на дачи в Серебряном Бору, ведь испокон веков русская аристократия покровительствовала народным талантам.

Звезда Прохора росла и округлялась, превратившись в тучное откормленное животное, пасшееся на богатых лугах красного неба: роскошные пиры, скандальные вечеринки, блестящие приёмы, пикники следовали один за другим. Прохор очень быстро узнал привычки и постиг все хитрости и правила игры, принятые в раю, познакомился со многими высокопоставленными лицами. Каждое такое знакомство было подобно символическому векселю или негласному распоряжению, которые в этом антикапиталистическом обществе были самой эффективной и надёжной единицей обмена. Разве смог бы он в своей прежней жизни приобрести этот чистошерстяной импортный костюм, если бы высокопоставленный чиновник из Министерства торговли не дал ему магическую записку, адресованную директору ГУМа? Он получил её в награду за то, что вместе с другими известными артистами развлекал гостей на свадьбе его дочери. У входа в универмаг с раннего утра была давка, люди ждали, не выкинут ли случайно какой-нибудь дефицит. Очередь растянулась чуть ли ни на километр, а Прохор, как начальник, зашел с чёрного входа и купил два костюма, причём за обычную цену: 25 рублей каждый. Второй он в тот же день перепродал за 50 рублей одному знакомому типу из закуской. И только бог чёрного рынка, самый могущественный из богов в этой полной лишений жизни, знал, какой барыш отхватил тот, перепродал костюм во второй раз. И хотя Прохор одет был с иголочки, ему трудно было утаить даже десять рублей от Зины, которая знала до копейки, сколько денег он получал. Появление у него модного костюма он объяснил щедростью Шершефамова, который его ему якобы подарил. Режиссёр служил ему прекрасным алиби, помогающим водить за нос Зинаиду.

Позднее он точно так же объяснил появление у него пальто с каракулевым воротником, рубашек, галстуков, ботинок, часов и массы других вещей его изысканного гардероба. Весь этот урожай был результатом его сотрудничества с режиссёром и сценаристом. Последний почти каждый день “изучал” Прохора, отмечая его реакцию на поведение людей, различные ситуации, его невозмутимый тон, народные словечки, примитивные стишки. Прохор был для него символом “народного мстителя”, который наказывал виновных, восстанавливая историческую справедливость. Контуры фильма были уже очерчены, не хватало только финала, достойного впечатляющей первоначальной сцены в Мавзоле. Стандартный советский хэппи-энд никак не сочетался ни с главным героем, ни с вольным воздухом наступившей в стране “оттепели”, как если бы артист, изображающий Прохора, улыбался, например, глядя на солнце или раду, символизирующие светлое коммунистическое будущее, или бы выглядывал из окна своей новой просторной квартиры, которую ему дал Моссовет, или же как он развёлся со своей сталинисткой Зинаидой и женился на молоденькой девушке со свободолобивыми принципами и т. д.

Вскоре Прохор действительно познакомился с такой девушкой. Розовощёкая блондинка Вера двадцати шести лет походила на молочно-белого херувима и работала продавщицей мороженого на улице Горького. Ей посчастливилось попасть официанткой на одну из шумных вечеринок в доме Калистеновой, и с первой же минуты она начала потчевать Прохора вместе с напитками и закусками своими нежными улыбками и игривыми взглядами. В конце концов, она преподнесла ему на золотом подносе и своё сердце...

Конечно, разница в возрасте между ними была слишком большой. Но она скрадывалась тем восхищением, которое испытывала Вера к Прохо-

ру Ивановичу, к его таланту, успехам и особенно к его знакомствам в высоких кругах. Через две недели любовной связи со знойной мороженщицей он уже прочно водворился в её комнатухе, которая казалась ему раем по сравнению с его остывшим семейным очагом. Несмотря на юный возраст, у Веры за плечами было уже два неудачных замужества и глубокое разочарование в душе после бесчисленных сердечных крушений. Это было существо, изрядно потрёпанное любовными штормами, жаждущее найти укрытую от ветра бухту в лице зрелого мужчины, надёжного и заботливого семьянина. “Я именно тот, кого ты искала”, — нежно заверил её помолодевший Прохор. И вскоре доказал, что слов на ветер он не бросает. Очень быстро их гнёздышко преобразилось до неузнаваемости. Дешёвая покосившаяся мебель уступила своё место новой. То же самое произошло и с Вериним гардеробом. Он купил ей модное пальто с воротником из настоящей куницы. Затем последовали холодильник и стиральная машина, которые достались ему без всякой очереди и переплаты. Но что привело её в полный восторг и отчего она стала любить его ещё больше, так это то, что она получила повышение по службе. Прохору удалось сделать это через сценариста Карабинова, который хорошо знал директора магазина, где работала Вера. Теперь она стала продавщицей первого разряда и получила приличную прибавку к зарплате.

Счастливая звезда Прохора подняла его на самую вершину, когда друг Шершефамова художник Коротубин решил написать его портрет. Прохор с большим рвением вызвался позировать ему, так как художник обещал пробить ему через своих знакомых двухкомнатную квартиру как человеку, оказавшему существенную помощь в таком жизненно важном для страны деле, как окончательное низвержение Сталина со своего пьедестала. А разве не так?.. В ту пору Коротубин был в большой моде. Весь цвет Москвы, как русские, так и иностранцы (западные дипломаты, журналисты и т. д.) любили посещать его небольшую мастерскую на Красной Пресне, которая размещалась в небольшом деревянном домике “а-ля изба”. Говорили, что в своё время Сталин сослал его семью в Сибирь, о чём свидетельствовали и его картины: сибирские пейзажи, хмурые лица, искажённые гримасами боли, обветренные, обмороженные, страдающие от одиночества и несправедливости; покрытые паутиной небеса, безжизненное солнце — картины, изображающие белый заснеженный ад, в котором лишь безграничная вера в Бога и утешительные перспективы облегчающего страдания загробного мира приносили избавление людям с растоптанной душой.

Это долгожданное избавление было отражено в его удивительных иконах, на которых, в отличие от традиционных рублёвских, было очень много света. Благодаря ослепительным краскам, русым волнистым волосам, кудрявым бородам и ярко-красным губам в изображениях на его иконах, они походили скорее на рекламные проспекты, зазывающие в рай. Сам Коротубин был упитанным молодцем огромного роста с длинной мужицкой бородой, как у стариков (во время работы он всегда облачался в длинный кафтан). Он, подобно Распутину, был страшным бабником и пьяницей, но вместе с тем оставался очень религиозным человеком.

— Я одену Прохора в рваную рубашку песочного цвета, чтобы он был похож на бедного пастуха, одного из тех, кто был удостоен первым увидеть рождение Христа. Но вместо посоха он будет держать лопату, — объяснял он Шершефамову главную идею своей картины.

— А какое отношение имеет рождение Христа к погребению Сталина? — удивился тот.

— Но ведь в России падение одного означает возрождение другого. Разве ты не понимаешь? — ответил он. — Наши иностранные друзья сразу это поняли. Например, Том из американского посольства уже сейчас сказал, что он покупает портрет Прохора, хотя он ещё и не закончен. Он сразу оценил и сюжет картины, и самого Прохора, и его историческую миссию...

И правда, Том очень заинтересовался этой историей. Он заставлял Прохора вновь и вновь пересказывать ему события той ночи, освежая его память виски, водкой, сигаретами, шоколадом и всякими сувенирами типа авторучек и зажигалок (он всегда приходил в мастерскую с полной сумкой подобных

вещи). А однажды он спросил его доверительно, не удалось ли ему стянуть что-нибудь на память о великом покойнике — погон, орден или хотя бы пуговицу с его мундира. Том готов был заплатить любые деньги, лишь бы заполучить столь ценную историческую реликвию. (Он был страстным коллекционером.) Конечно, он очень расстроился, когда Прохор объяснил ему, что он даже помыслить не мог о том, чтобы раскопать могилу той ночью. “Жаль. Ты мог бы стать очень богатым”, — вздохнул Том, а Прохор чуть не расплакался, поняв, что упустил синюю птицу. Да ещё ненасытная Вера обрушилась на него со своими попреками: “Боже мой, до чего же туго соображают мужики в практических делах! Это же надо: иметь сокровище у себя под носом и не взять его. Да и без того ты мог бы ободрать как липку этого американца. Что стоило тебе пойти в комиссионку и купить там какой-нибудь орден, пуговицы, мундир и всучить их ему? Какая ему разница, этому иностранцу? Что он, пойдёт проводить расследование?” Как только она его не ругала все эти дни, без конца посылая солью его рану! Она довела его до помешательства... К счастью, он решил поделиться своей бедой с художником. И тот открыл ему глаза: “А твоя кирка? А твоя лопата? Эти исторические инструменты? Они же самые дорогие реликвии, принадлежащие вечности. Когда-нибудь они найдут подобающее место в музее”.

И добавил, заставив Прохора почувствовать себя многострадальным золотоискателем, напавшим, наконец, на золотую жилу:

— Завтра же я поговорю с американцем. Мы очень выгодно продадим твои инструменты, вот увидишь!

— Наконец-то нашёлся шустрый малый, способный обвести иностранца вокруг пальца, — похвалила Вера патриотический порыв Коротубина.

В ту же минуту, осадив свой энтузиазм, она задумалась, как сделала бы всякая рассудительная девушка, с детских лет привыкшая к борьбе за существование и хороша знавшая жизнь со всеми её уловками:

— Надеюсь, он говорил это серьёзно и не решил подшутить над тобой, — недоверчиво посмотрела она на Прохора.

— Это мы увидим завтра, когда я отнесу ему свои инструменты, — ответил Прохор.

Весь вечер они провели в сладостных мечтаниях: интересно, сколько тысяч долларов сможет сорвать Коротубин с этого чудака-иностранца? Конечно, художник как посредник тоже возьмёт свой процент (как это принято на Западе), но всё равно львиная доля достанется им. В этом нет никаких сомнений. Будучи завсегдатаем в его мастерской, Прохор не раз наблюдал, как дорого продавал тот, особенно иностранцам, всё, что у него было, начиная с его собственных картин и икон и кончая другими ценностями и предметами традиционного русского искусства, которые приносили ему и москвичи, и приезжие. (Большинство из них приходили по рекомендации вездесущего Шершефамова с его многочисленными знакомствами и связями во всех слоях советского общества.)

На следующий день по дороге на службу Прохор всё прикидывал в уме, как бы ему изловчиться и свистнуть со склада свои “реликвии”. Конечно, он мог бы не рисковать и не совершать эту кражу, а просто купить в магазине лопату и кирку. Но это ему не позволяла сделать его совесть, облачившаяся после той знаменательной ночи в неуязвимые доспехи исторической ответственности. В конце концов, ему хотелось передать свои инструменты прямо в руки бессмертия, и чтобы это были подлинные ценности, а не жалкая подделка. Может быть, даже следует вырезать на ручке своё имя, но лучше сначала спросить об этом Шершефамова. Он остановился на этом решении, когда оказался возле гостиницы “Националь”. Он всегда проходил мимо неё по дороге на работу. Режиссёр, наверняка, ещё спал в этот ранний час. Скорее всего, он только вчера вернулся вместе с Калистеновой из утомительной поездки на Урал, где он снимал последние сцены фильма о царе Александре и революционерах, предвостниках Великого Октября. Конечно, Прохор не собирался его будить. Он лишь заглянет туда ненадолго выпить крепкого чаю и перекинуться парой слов со своим дружкой Игорем, который только что отработал ночную смену. Его внезапный социальный взлёт и знакомство

с великими людьми не сделали его настолько высокомерным, чтобы изменились его сердечные отношения со швейцаром и с персоналом гостиницы, хотя они видели его теперь совсем в другом свете и относились к нему с явным уважением и почтением, забыв про прежнюю фамильярность и грубые шутки в его адрес. Они больше не кричали ему при встрече: “Привет, пьянчужка! Куда ты запропастился, старый хрыч?” Теперь они обращались к нему не иначе, как “Прохор Иванович” и “на вы”, сохраняя подобающую дистанцию. Иначе говоря, они вполне осознали, что он находился на вершине холма, а они у его подножья. Если бы Прохор знал, что судьба, поднявшая его на эту вершину, вдруг неожиданно-негаданно даст ему сегодня такого пинка, что он загремит оттуда не просто в прежнюю свою нищету, но ещё ниже...

Открывая двустворчатую стеклянную дверь, ведущую в большой холл, он увидел, что со вчерашнего дня с Игорем произошло что-то невероятное: вместо того, чтобы радостно встретить его с распростёртыми объятиями, он бросился к нему с искажённым от страха лицом и почти вытолкнул его на улицу, громко шепча ему в ухо: “Уходи, исчезни и никогда больше здесь не появляйся! Сегодня ночью арестовали Шершефамова. Среди вещей, которые он привёз с Урала, нашли бесценные иконы и другую церковную утварь. Говорят, он собирался продать их на Запад. За этим киношником стоит целая банда. Я предчувствовал, что...” Больше он ничего не успел сказать. Прохор подскочил на месте, как ошпаренный, и пустился наутёк.

В последующие дни вся Москва, особенно творческая интеллигенция, буквально гудела: все только и говорили, что о разразившемся скандале. Он обрастал всё новыми и новыми подробностями и вариациями. Так, рассказывали, что во главе банды стояли Шершефамов и Коротубин. Что же касается обворожительной Людмилы Калистеновой, то она была их вдохновительницей и, возможно, наводчицей, поскольку у неё было множество поклонников среди иностранных дипломатов. Конечно, её тоже арестовали той ночью вместе с режиссёром, но уже через несколько часов освободили (тут явно не обошлось без вмешательства её престарелого веселого покровителя), и, вероятно, она отделается лёгкими царапинами в виде временного отлучения от кинематографа, пока не забудется это дело. А двух других уж точно сгноят в тюрьме...

На какое-то время Прохор затаил, благодаря Бога, что пуля не зацепила его, но быстро оправился. Пораскинув как следует мозгами, он пришёл к выводу, что арест Шершефамова и компании никак не может бросить на него тень на бирже истории, и он не может быть обвинён в соучастии. Он был и останется человеком, который собственноручно похоронил изгнанного бога. Никто и ничто не в силах отнять у него эту славу. С этим была согласна и Вера: она всё время подталкивала его продолжить знакомства с известными людьми, как это было до сих пор. К сожалению, с их стороны он не получал больше ожидаемого радужного приёма (некоторые даже делали вид, что с ним не знакомы). Наверняка их пугали его тесные отношения с компанией Шершефамова, но главная причина такого их поведения была очень проста и по-человечески понятна. Как это часто случается с анекдотами, модой, шлагерами, он стал им не интересен. Наступила очередь других событий, более важных и занимательных, поднимать им настроение и развлекать их. Прохору надо было бы понять, что всему в этой жизни приходит конец, как и самому нашему существованию. Ему бы, как улитке, спрятаться в свою раковину, устроиться там уютно и согреть себе душу приятными воспоминаниями! Увы, он не обладал подобным философским чутьём и начал с упорством неизлечимого наркомана требовать от окружающих прежнего внимания и интереса к своей персоне. Он словно Адам, не желающий смириться со своим изгнанием из рая, предпринимал бесконечные контратаки, стараясь отвоевать утерянные позиции. Он начал без приглашения стучаться в знакомые двери, добиваться встреч с высокопоставленными чиновниками, звонить очень занятым людям и даже заявляться в шикарные рестораны и закрытые клубы, где они были всегдашними, — словом, цеплялся к ним, как репейник.

Но своего апогея его возмущение достигло тогда, когда его покинула корыстолюбивая Вера, поняв, что её “заботливый семьянин” выдохся. Она тут же

взяла себе в любовники инспектора Центральной продуктовой базы и вскоре стала заместителем директора своего магазина. Прохор с горя запил и быстро покатился вниз, неумолимо приближаясь к самому краю своей увечной судьбы. Однажды вечером он отправился в “Мороженое”, чтобы уговорить Веру вернуться к нему. Какой-то служащий, не знавший Прохора, сказал ему, что Вера в кабинете и у неё совещание с инспектором Центральной базы. Конечно, Прохор тут же смекнул, какова тема этого совещания, и пока никто не спохватился, быстро прошмыгнул в магазин через чёрный ход и начал яростно колотить в дверь кабинета, требуя от инспектора выйти и поговорить с ним как мужчина с женщиной. На шум прибежали рабочий и две продавщицы и пытались его унять, но быстро отступили, увидев, как здоровяк Прохор, с могучими ручищами, размахивает стулом. Пока они бегали за подмогой, тот успел выломать дверь, навалившись на неё всем своим весом, и вытащить своего соперника в коридор для решительного разговора. Он дико орал, высокомерно глядя на перепуганного инспектора: “Я вытряхнул из Мавзолея самого Сталина, а ты хочешь улизнуть от меня, жалкая тощая селёдка!”

Его огромные кулаки землекопа превратили бы того в месиво, если бы подоспевшие милиционеры не схватили его за руки.

Прохора опроводили в милицейский участок, и там констатировали, что человек повредился в рассудке. Вот так он угодил в психиатрическую больницу, персонал которой страшно мучился с ним: он был очень буйным и неуправляемым, особенно по ночам. Когда затихал шум большого города и в гулкой тишине раздавался бой Кремлёвских курантов, он начинал бешоваться и кричать, что пришёл час его великой исторической миссии. Он требовал, чтобы его развязали, уверяя, что он должен вновь закопать Страшного Покойника, который вышел из своей могилы...

Позже время и лечение обуздали его бред и фантазии, и болезнь его перешла в новую стадию, более достойную и цивилизованную. Он часами сидел на кровати или, когда была хорошая погода, на скамейке в саду и лихорадочно писал свои воспоминания о великой ночи в Мавзолее. Для этого он использовал любой клочок бумаги, попадавший ему в руки, и даже туалетную бумагу, так что надзиратели и медсестры вынуждены были его обыскивать каждый раз, когда он ходил по нужде.

С другими “знаменитостями” больницы (Наполеоном, царём, известными революционерами, философами, учёными и т. д.) у него не было ничего общего. Он всегда прогуливался в одиночестве, глядя прямо перед собой куда-то вдаль, далёкий от мирской жизни, с видом человека, чьи неопределимые заслуги перед окружающими остались без должного вознаграждения. А разве за воротами психиатрической больницы мало людей, причём совершенно здоровых, которые хранят в своей душе подобные обиды? Да взять ту же Зинаиду: у неё были все причины предъявлять к нему претензии, и вполне справедливые. Вся жизнь она заботилась о нём и поддерживала его во всём, и в результате вместо благодарности он бросил свой семейный очаг и сбежал к мороженщице, этой лицемерной и меркантильной шлюхе. И всё же она не держала на него зла. Она всеми силами старалась облегчить его заточение в дурдоме. Три раза в неделю она навещала его, приносила ему свежее бельё, домашнюю еду, сигареты, свою нежность и заботу, которые рождали в нём ностальгию по прежней “приземлённой” жизни. Как ни прекрасны облачные высоты славы и удачи, с них так легко загреть вниз, особенно когда ты пьян. А ведь если подумать хорошенько, лишь их маленькая комнатка могла обеспечить ему полную безопасность... И Прохор начал думать. Как говорили врачи, это стало началом того, что к нему вновь возвращался рассудок. Наконец, после двух лет, проведённых им в этом заведении, он получил желанную выписку, причём в истории болезни значилось: “Пострадал на службе”. Эта запись была заслугой Зинаиды, обегавшей кучу всевозможных инстанций, пока не добилась она заветной цели, и здесь помогла её партийная закалка...

Возможно, на этом и закончилась бы история кремлёвского могильщика, и он бы снова зажил себе спокойно со своей Зинаидой, если бы угрызения совести не обрушились вдруг на него всей своей тяжестью. Когда он

вспоминал сладкую жизнь в “Национале”, пьянки с Шершефамовым, свои знакомства с известными людьми и особенно свой “побочный заработок”, пока он ещё был в седле, стиральную машину и пальто с кунным воротником, которые он купил для Веры, Прохор впадал в глубокую меланхолию и очень сердился на себя.

Единственный раз ему дан был шанс насладиться всеми благами мира, и вместо того, чтобы поделиться ими с верной спутницей своей жизни Зинаидой, он потратил их на жалкую алчную шлюшку. Раскаяние хватало его за горло и начинало душить. Кто читал “Воскресение” или “Преступление и наказание”, те знают, на какие страшные муки обрекают русскую душу угрызения совести. Если бы произошло что-нибудь такое, что бы дало ему возможность всё исправить!.. Но что?

К счастью или несчастью, он вылечился окончательно от своего безумия и прекрасно понимал, что Сталин уже никогда не выйдет из своей могилы, власти больше не прибегнут к его услугам, и ничто не сможет вернуть ему всеобщее внимание. Если бы люди вновь умирали от любопытства и он был бы нарасхват, на бесконечные встречи и вечеринки с самыми известными людьми он приходил бы уже под ручку с верной Зинаидой. И кто знает, может быть, ему встретился бы на пути другой Шершефамов, не обладающий пороками последнего, который открыл бы ему дорогу в кинематограф и обессмертил бы его историю... Но, похоже, к большинству людей удача и слава приходят только раз в жизни, как радость любви к весенним насекомым... Тяжесть горестного осознания “никогда больше” отпускала его лишь тогда, когда он собирал все свои силы, изрядно подкрепив их водкой. Прохор опять зачастил в знакомую пивную, заглушая тоску в компании старых друзей.

Однако домой он возвращался рано, вёл себя благоразумно и сдержанно, не досаждая, как прежде, соседям своими дикими воплями, бранью и непристойными песнями. Зинаида была очень довольна и с победоносным видом поглядывала на соседей, словно дрессировщица, только что окончившая опасный номер и загнавшая в клетку непокорного хищника...

Вдруг однажды вечером всё изменилось, и болезнь Прохора неожиданно дала рецидив. Он с грохотом открыл входную дверь, ввалился в длинный коридор и, громко топая, направился к своей двери, раздавая по пути пинки многочисленным тазам, цинковым корытам, шкафам, баулам, велосипедам, детским коляскам и другому бараклу, нагромождённому вдоль стен. “Зина, Зинушка, Зинаида-а-а! — ревел он глухим пьяным голосом, в котором звучали радостные возбуждённые нотки. — Выходи скорее, у меня для тебя хорошие новости! Ты очень обрадуешься, голубка моя ненаглядная!” Толстая голубка Зинаида вышла, разъярённая, растрёпанная, в халате, накинута поверх ночной рубашки, само олицетворение Немезиды. Слова её были подобны щёлкающим в воздухе ударам кнута:

— Ты опять взялся за своё?.. Проклятый пьяница!

Но Прохор не испугался и даже не утратил своего прекрасного настроения.

— Когда ты услышишь, что я тебе скажу, у тебя найдутся для меня другие слова. Прекрасные, сладкие и хвалебные, — заверил он её.

Они вошли в свою комнату, и головы их соседей, высунувшиеся из многочисленных дверей, были готовы снова спрятаться в свои норки, как вдруг раздался душераздирающий крик Зинаиды, и она снова выскочила в коридор с выпученными от ужаса глазами: “Он сошёл с ума, сошёл с ума”, — только успела сказать она и упала в обморок.

Половина соседей бросилась приводить её в чувство, а другая половина грозно окружила её мужа, который стоял на пороге, с наивным недоумением на простодушном грубоватом лице и странным блеском в невинных глазках, в которых не было больше прежней вялой покорности.

— Что ты сделал со своей женой, Прохор Иванович? — строго спрашивали они его.

— Что я мог сделать со своей любимой голубкой? — пожал он плечами. — Я всего лишь поделился с ней одной мыслью, имеющей историческое

значение, которая осенила меня сегодня. Но как только она услышала об этом, она подпрыгнула до потолка, словно дикая кошка, которой налили в задницу скипидару...

— И что же это за мысль?

— Дорогая моя жёнущка, — сказал я ей, — если наши вожди и Россия, наводнённая Шершефамовыми, Людами и Верами, будут шагать вперёд такими же темпами, то недалёк тот день, когда из Мавзолея выкинут и самого Ленина. И, простите, кого тогда пригласят его закапывать? Конечно, меня. Учитывая мой предыдущий опыт...

При этих кошунственных словах глаза его утратили невинное выражение и запылали страстным огнём. Он не придал никакого значения охватившему всех ужасу и продолжил свои рассуждения о том, что он готов выполнить свой долг и завершить свою выдающуюся историческую миссию, в которой он был главным действующим лицом. Он даже предусмотрительно сочинил уже первые строчки соответствующей поэмы:

*И если всё пойдёт по тому же пути,
Тебя тоже, бедняга Ленин, выкинут
Из величественного Мавзолея.
Из красного корабля Советов,
Отчалившего со столькими мечтами на борту,
Которые все теперь развеяны по ветру.*

Конечно, его сразу упрятали в сумасшедший дом, из которого он никогда уже больше не выйдет. Нет пророков в своём Отечестве...

Афины, 1979—1980

Перевод с греческого Галины Ивановой.